

“Внутри я — сталь”

Светлана Захарова — Газете

Переход звезды Мариинского балета Светланы Захаровой в Большой театр стал сенсацией этого сезона. В воскресенье в Большом театре в балете «Жизель» Захарова выступит уже не как приглашенная звезда, а как постоянная ведущая солистка. Именно на Захарову Большой театр делает ставку, планируя ответственные гастролы в Opera de Paris в январе следующего года. Со **Светланой Захаровой** встретилась корреспондент Газеты **Ольга Гердт**.

Газета — 2003 — 30 кб. — с. 1, 9

Вы решились поменять Петербург на Москву, Мариинский театр на Большой. Почему?

Семь лет назад меня уже звали в Большой. Владимир Викторович Васильев пригласил меня на свою постановку «Лебединого озера». Но я первый год работала тогда в Мариинском театре, мне было семнадцать лет, и для девочки, которая только что пришла из училища, это был шаг очень трудный. Я понимала, какую серьезную ответственность на меня хотят возложить. Прежде чем идти в Большой, нужно было сформироваться. Мариинский — начало моей карьеры, моя колыбель. Все самое интересное до сегодняшнего дня происходило там. Не только постановки — я любила просто закрываться в зале и репетировать со своим педагогом, Ольгой Николаевной Моисеевой. Мне нравился сам процесс, когда можно все прочувствовать, найти какие-то нюансы. Это было очень счастливое время. Сейчас мне нужно новое состояние.

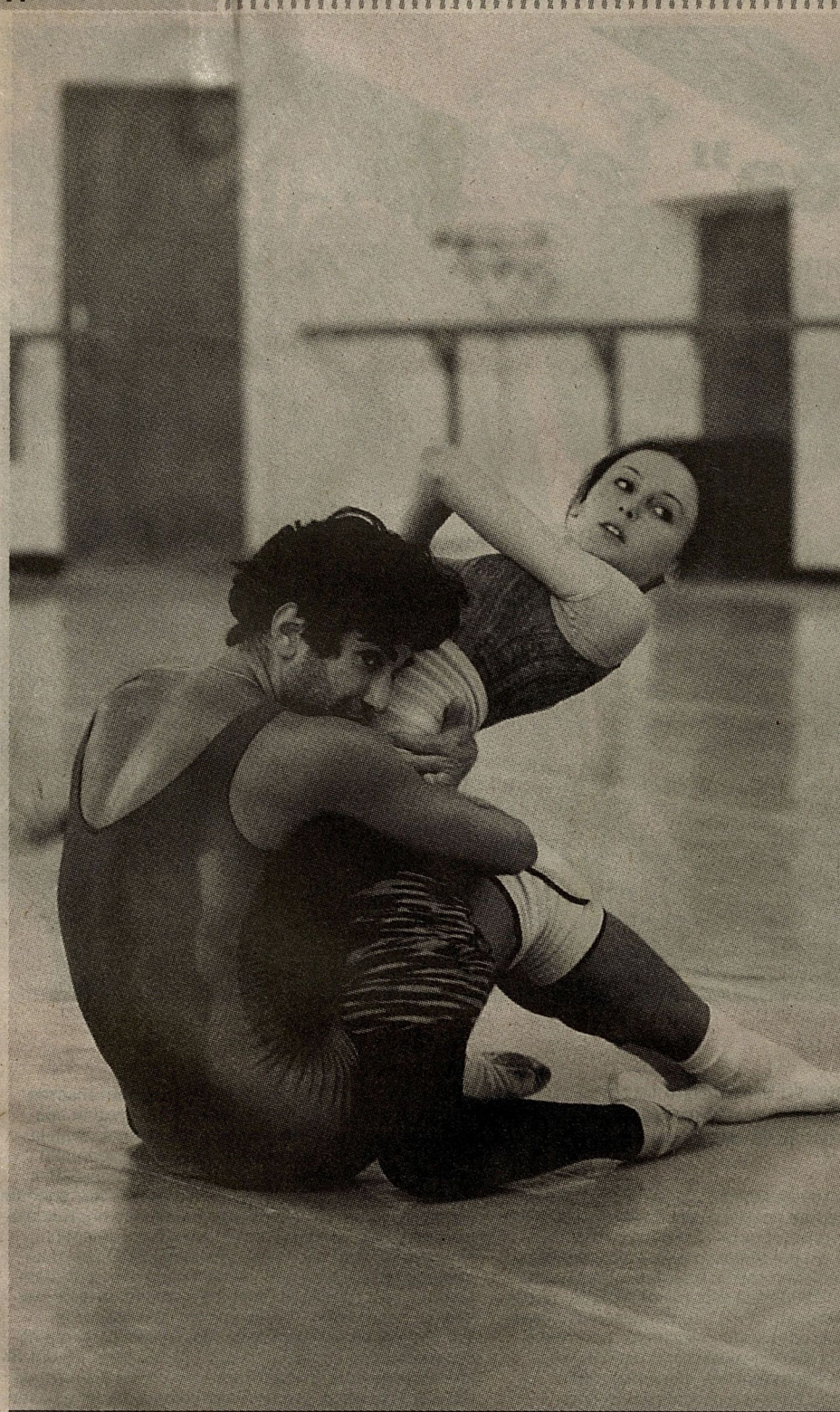
Считается, что петербургская и московская школы очень разные, или это уже не имеет значения?

Это все разговоры. Даже парижская школа — все то же самое. Есть маленькие отличия, особенности. В Петербурге много

Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

внимания уделяют верху, рукам. В Париже — работе стоп, ног, пируэты хорошие у них. В Большом театре смотрят на вращение, устойчивость, сильные ноги. Когда я танцевала в Парижской опере, они смотрели, как работают у меня руки, я подсматривала, как они работают, — это всегда так: ты мне, я тебе. ► **СТР 09**

Светлана Захарова не скрывает, что Николай Цискаридзе очень уговаривал ее перейти в Большой театр Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

“Внутри я — сталь”

Светлана Захарова — Газете

Газета — 2003 — 3 мая — С 1, 9.

«01 стр. Говорят, французский хореограф Пьер Лакотт очень хотел вас видеть в телевизионной версии «Дочери фараона», которая будет сниматься в конце октября.

Да, это так. Еще когда никто не знал, что я перевожусь в Большой театр, мне позвонил Пьер Лакотт и сказал: «Я веду перего-

воры с руководством Большого, я очень хочу, чтобы ты выучила мой спектакль и чтобы ты его станцевала». Я сказала: «Конечно, для меня это большая честь». Но когда он узнал, что я перехожу в Большой театр, сказал: «О!.. это очень хорошо. Тогда сразу начинай учить «Дочь фараона», и я хочу, чтобы ты участвовала в съемках».

Вы познакомились в Париже?

Да, когда я танцевала первый раз в Парижской опере «Баядерку». Его жена Гилем Тесмар работает в театре. Я была на ее уроках, они приглашали меня в гости. Потом Лакотт приезжал, когда я в Лондоне танцевала в Национальном театре «Лебединое озеро». Это было в Royal Albert Hall, и он приезжал специально на спектакль — сказал: «Я тут рядом, под Ла-Маншем». Потом мы общались, когда он ставил «Ундию» в Мариинском театре. Но, увы, этой премьеры не будет. Очень жаль. Мы работали каждый день, не выходя из зала по несколько часов.

В Opera de Paris очень хорошо вас приняли, а ведь они очень привередливы. Может, к моему стилю они не были привередливы (смеется). Приняли, и им было даже очень интересно. Конечно, у меня свой стиль, я танцую, как чувствую. Например, в «Баядерке» танец во втором акте со змеей я танцевала не тот, что ставил французам Нуриев, а тот, что я танцую в Мариинском театре. Репетиторам было интересно: они сидели, смотрели, приходили специально пораньше на репетиции. И на спектакле я этот интерес почувствовала. И труппа меня очень поддерживала: у меня была пробная репетиция на сцене — в костюмах, кордебалет весь пригнали, свет поставили — чтобы я все почувствовала, чтобы мне было комфортно. Аплодировали потом...

Значит, вы никогда не осознавали себя «носителем петербургского стиля»? Да нет. Сейчас такого нет. Никто ничего не осознает — просто все работают, и никто не говорит: «Я это делаю правильно, потому что я носитель традиции». Такого нет. Я всегда пыталась быть индивидуальной, делать что-то так, как никто до меня не делал, и мы с Ольгой Николаевной всегда к этому стремились. Если я что-то могу — почему нет? Хотя ругали меня...

Говорили «так высоко ноги не задирай» — в Петербурге это невозможно? Ну да, да, что-то типа этого. Но в Большом театре поднимала ноги Надежда Павлова, в Лондоне — Сильви Гиллем, и в Мариинском театре поднимают ноги, только у меня это получается как-то... очень заметно, я не знаю, но я это не демонстрирую специально. Когда входишь в роль, то кажется, что нога... намного ниже. Ведь не видишь себя — зеркала-то на сцене нет. Сейчас я уже научилась контролировать себя. Это все приходит с опытом. Раньше эмоции захлестывали. Сейчас все другое, и волнение тоже. Все очень меняется. Балет такое искусство: только немножко остановишься — и покатишься вниз с невероятной скоростью!

Вы так говорите, словно знаете, что это такое...

Нет, я просто этого очень боюсь. Я знаю очень много случаев, когда гениальные люди достигают вершины, потом опускаются и на нерве просто перестают работать. Я не хочу, чтобы со мною такое случилось, поэтому заставляю себя, даже когда очень трудно. Очень трудно после большого успеха работать. У меня в Лондоне были гастроли с Мариинским театром, я танцевала каждый день и разные спектакли. Однажды танцевала три дня подряд, и на третий день было «Лебединое озеро». Очень трудно восстанавливать силы после спектакля. Я никогда не позволяю себе думать: ну вот, у меня был успех, теперь у меня все получится. Ничего подобного. Ничего не получится, если завтра не придешь, послезавтра пропустишь...

Сильви Гиллем, повлиявшая, наверное, на всех современных балерин, недавно

танцевала в Петербурге. Как вы к ней относитесь?

Я очень люблю эту балерину. Мне кажется, она потрясающе двигается, у нее потрясающие данные. Она держит себя в очень хорошей форме. Она молодая женщина, но уже сформировавшаяся балерина, и многие в ее возрасте говорят себе «стоп, хватит». Но в современном репертуаре, я думаю, она лучшая.

Она идеал для вас?

Нет, я не хочу быть ни на кого похожей. Мне просто нравится, как умно она работает. Она ничего лишнего не делает. В каждой балерине меня восхищает что-то хорошее. Но отдельных кумиров нет. У меня это еще со школы, когда я училась в Киеве. Я никогда не могла понять, кто идеален и кто же мне нравится? Может, поэтому я к себе очень строго, придирчиво отношусь. Я все время пытаюсь из себя вылепить что-то лучшее.

У балетных есть своя мода — в чем прилично танцевать, в чем нет?

Я не люблю шаблон, мне нравится, чтобы мой костюм отличался от остальных. В Мариинском уже привыкли, что я что-то меняю. Ведь костюмы шьются по одному образцу для всех. Но я могу попросить, чтобы мне изменили рисунок, цвет. Наверное, это неправильно с моей стороны, но в каких-то костюмах я в корне меняла цвет. Например, фиолетовый на белый. Ругали в итоге не меня, а людей, которые соглашались сшить мне другой костюм. Но я доказывала, что прежде всего важно мое исполнение и как я себя чувствую. Тот же фиолетовый — его можно сделать ярким или серым. Я сделала ярким, потому что в сером я пропаду. Не знаю, как это будет происходить в Большом театре, но, думаю, линии своей я буду держаться.

Я видела календарь, представляющий всех питерских звезд. — Ульяна Лопаткина в стиле модерн, у Дианы Вишневой имидж роковой женщины, а вы, кажется, снимались в костюме из спектакля?

Я очень хорошо помню процесс этих съемок: фотограф попросил взять какой-то любимый костюм, а мне дал серебряный платок, которым обмотал меня, но потом мы решили, что в образе Жизели я буду выглядеть лучше всего.

На сцене вы предпочитаете выглядеть «поярче», а в жизни?

В жизни мне абсолютно не хочется выделяться. После спектакля я чувствую себя настолько уставшей, опустошенной внутренне, что выходить и опять улыбаться, создавать имидж какой-то — как-то не хочется. Иногда хочется выйти через другой подъезд, чтобы никто там не сторожил. Я люблю, чтобы в жизни на меня обращали поменьше внимания. На сцене — пожалуйста, приходите, смотрите. Что касается одежды — все зависит от ситуации. От того, где ты находишься. Я не буду ходить каждый день в вечернем платье и ярких украшениях, потому что я себя тогда плохо буду чувствовать. Основное в моем гардеробе — штаны, кофты, потому что весь день в театре. Так удобнее двигаться, сидеть — балетные же сидят не как все люди, а любят ноги куда-нибудь закинуть, чтобы отдохнули...

Вообще-то люди думают, что балерина — это такое существо, которое ничего не ест, сидит всегда с прямой спиной и ходит в вечернем платье с утра до вечера. С блестяшками.

Нет, балерина только вечером ничего не ест. Специальных диет с нашим графиком вообще сложно придерживаться —

это же надо вовремя кушать. Но чаще есть вообще не успеваешь. Лучшая диета — это работа. Когда работаешь, то ничего не ешь. И не хочется. Ну, конечно, когда сидишь и ничего не делаешь, как в отпуске, например, только и думаешь, чего бы вкусненького съесть. В отпуске я поправляюсь. Отдыхать люблю в горах. Море не люблю, потому что не люблю загорать. Плавать не очень люблю. Люблю больше лес, траву, деревья. Чтобы свежесть была, кислород, хороший воздух. Последние годы отдыхаю в горах.

Когда человек добивается какого-то статуса, он становится его заложником: отдыхать надо там-то, вещи покупать у определенного модельера, квартиру иметь — только в центре. Как у вас с этим?

Это, мне кажется, только начинающие так рассуждают. Я когда начинала — мне было стыдно зайти в магазин, где было написано «скидка». Сейчас я понимаю, что мне интереснее зайти и купить хорошую вещь со скидкой. В этом есть азарт. Это интересно. Почему я должна переплачивать деньги, которые я сама же зарабатываю? Многие думают, что знаменитые люди только за миллионы все покупают — ничего подобного. Они могут спокойно носить какие-нибудь драные джинсы, хотя, конечно, эти джинсы могут тысячу долларов стоить и быть от знаменитого кутюрье. Но они все также ждут сезона скидок, или когда бесплатно что-то что-то даст. В этом есть прелесть своя. И я никогда не покупаю вещи у одного какого-то дизайнера. Я могу зайти в магазин любой — единственное условие для меня, чтобы эта вещь не повторялась. Если я увижу на ком-то что-то похожее — ну бывает, выпускает один модельер в двух экземплярах разные размеры, — нет, уже никогда не надену. Меня начинает трясти. Не могу.

Мне кажется, у вас такой кроткий взгляд и при этом такая сталь внутри... Внутри — да.

Думаю, что когда-нибудь вы, как Сильви Гиллем, сбегите из академического театра к какому-нибудь современному хореографу и смените ярко-фиолетовую балетную пачку на рваные джинсы. Вас интересует современный репертуар? Я мечтаю, чтобы какой-нибудь балетмейстер сделал что-нибудь на меня такое ультра-ультра-современное, вообще не касающееся классики, — я об этом говорю во всех интервью. Чтобы это обязательно было связано с игрой света — чтобы что-то все время включалось, выключалось, была сумасшедшая музыка и все смотрелось на одном дыхании. Но я не балетмейстер, я не могу себе это поставить. Я мечтаю с Форсайтом поработать. В Мариинке мы познакомились, общались, и он даже должен был что-то ставить и на меня. Несколько человек из Мариинки приезжали в его компанию, делали класс, и потом он пришел посмотреть, как мы занимаемся, показывал какие-то движения, просил повторить. Когда он приехал на фестиваль в Мариинский, где я танцевала «Бриллианты» Баланчина, я с ним немножко пообщалась — он замечательный человек. Некоторые вещи его мне очень нравятся.

Вы могли бы работать в другой стране?

Я получаю много предложений и работаю с самыми известными театрами в мире. Контракты расписаны на ближайшие два года. Мне нравится приехать, станцевать и уехать. А вот жить в какой-то другой стране — нет. Я как представлю, что надо говорить и даже думать на другом языке... Я хочу танцевать и жить в России.